мышленной страной оказывались безуспѣшными. При отсутствіи свободнаго выхода на міровой рынокъ, всѣ эти усилія сводились къ огражденію Россіи отъ конкурренціи болѣе промышленныхъ странъ и къ огромнымъ государственнымъ затратамъ въ пользу буржуазіи, т.-е. къ полному разоренію населенія и полному подрыву внутренняго рынка. Такимъ образомъ получается заколдованный кругъ, въ которомъ задыхается сама буржуазія; получается, въ замкнутыхъ рамкахъ одной страны, тотъ самый безысходный промышленный кризисъ, то „неустранимое хроническое перепроизводство“, о которыхъ говоритъ Каутскій, какъ о намѣчающихъ „послѣдній предѣлъ, до котораго капиталистическій режимъ можетъ поддерживать свое существованіе“.

Такимъ образомъ уже само объективное экономическое положеніе въ мало развитыхъ капиталистическихъ странахъ оказывается гораздо болѣе безвыходнымъ для буржуазіи и слѣдовательно гораздо болѣе революціоннымъ, чѣмъ при возможности успѣшнаго развитія капиталистическаго способа производства. Но еще болѣе революціоннымъ оказывается это положеніе, при наличности соціалистическаго движенія, если мы обратимъ вниманіе на политическую сторону дѣла, на соотношеніе общественныхъ силъ въ слабо развитой капиталистической странѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если даже въ промышленно-развитыхъ странахъ, съ присущею имъ культурою и облагороженными формами бужуазнаго господства, рабочее движеніе сдерживается въ рамкахъ капиталистическаго строя только силою сопротивленія, встрѣчаемаго имъ со стороны могущественной буржуазіи, то легко понять, какой напряженный характеръ получаетъ классовая борьба—разъ только она фактически уже завязывается — благодаря пробужденію рабочихъ массъ — въ странѣ, гдѣ вся экономическая жизнь построена на внутреннемъ грабежѣ и прогрессирующемъ разореніи всего замледѣльческаго населенія. Къ мотивамъ идейнаго характера, къ иллюзіямъ пробудившагося человѣческаго достоинства присоединяются здѣсь мотивы отчаянія, стихійныя стремленія людей, спасающихъ свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ.

И въ то же самое время — какъ мы уже указывали на это выше—сила сопротивленія, встрѣчаемая, рабочимъ движеніемъ со стороны буржуазіи въ такихъ слабо-промышленныхъ странахъ, пропорціонально гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ развитаго капитализма; она меньше не только соотвѣтственно уровню экономическаго развитія, но и въ гораздо высшей пропорціи; если, на-

примѣръ, уровень русской промышленности, скажемъ, въ 4 раза ниже англійской, то общественная сила русской буржуазіи уже не въ 4 раза менѣе общественной силы англійской буржуазіи, по отношенію къ своему рабочему классу, а въ гораздо большей пропорціи, ибо англійская буржуазія опирается на эксплуатацію не только своего рабочаго класса, но и рабочаго класса другихъ странъ, тогда какъ русская буржуазія не удерживаетъ въ своихъ рукахъ даже всѣхъ результатовъ промышленной, торговой и денежной эксплуатаціи русскихъ рабочихъ массъ.

Это именно соціальное безсиліе русской буржуазіи, обусловленное слабымъ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства въ Россіи и вытекающими отсюда сравнительно нищенскими размѣрами русскихъ буржуазныхъ капиталовъ, и проявляется въ полномъ экономическомъ и финансовомъ разгромѣ нашей страны, въ полной неспособности нашей буржуазіи взять въ свои руки экономическую политику государства, создать устойчивыя формы буржуазной общественной жизни, сдѣлать возможными какіе-нибудь компромиссы на почвѣ классовой борьбы, подобные тѣмъ компромиссамъ, которые были способны предложть рабочему классу западно европейская буржуазія.

Если бы даже русскій рабочій классъ и захотѣлъ поставить свое движеніе не на революціонно-соціальную почву, а ввести его въ рамки капиталистическаго строя, то такая программа была бы въ Россіи *экономически неосуществимой*, ибо такая программа возможна экономически только на почвѣ успѣшнаго капиталистическаго развитія страны. Русская буржуазія была бы неспособна предложить русскому рабочему классу тѣхъ болѣе или менѣе возможныхъ условій существованія, какія могла предложить своему рабочему классу буржуазія промышленно-развитыхъ странъ, которая перетянула въ города отъ 60% до 80% рабочаго населенія и подняла тамъ на сравнительно высокую ступень рабочаго существованія значительныя массы наиболѣе организованнаго пролетаріата.

Соціальная сила западно-европейской буржуазіи заключалась главнымъ образомъ именно въ томъ, что она, благодаря возраставшимъ въ ея рукахъ богатствамъ, была способна привлекать на свою сторону многихъ приверженцевъ и, съ другой стороны, дѣлать фактически возможной для рабочаго класса добиваться непосредственнаго улучшенія своего экономическаго положенія въ рамкахъ буржуазнаго строя, выставлять нереволюціонную минимальную программу